

Заповедная Трона

Ольга Бозатикова

Ольга Богатикова

Заповедная тропа

«Автор»

2023

Богатикова О. Ю.

Заповедная тропа / О. Ю. Богатикова — «Автор», 2023

Осень в нашем заповеднике - самая горячая пора. Молодые дракончики учатся летать, подросшие саламандры пытаются сжечь лес, в гнезде жар-птицы вот-вот вылупятся долгожданные птенцы. А потому визит ревизоров из столичного министерства природных ресурсов конкретно сейчас ну очень некстати. Особенно, если среди проверяющих есть люди, которые уверены, что приехали в обычный лес, а волшебство бывает только в сказках.

© Богатикова О. Ю., 2023

© Автор, 2023

Ольга Богатикова

Заповедная тропа

ГЛАВА 1

Чай был темно-янтарного цвета и умиротворяюще пах мелиссой. На дне чашки лежала россыпь крошечных травинок, соединявшихся в замысловатый узор, похожий на большого рогатого зверя.

– Что же ты, Васятка? Пей, а то остынет, – Глеб Иванович поставил рядом с моей чашкой мисочку с медом и блюдо, на котором ароматной горкой лежали куски свежего ржаного хлеба. – Это мой фирменный сбор. Ты этакого чая нигде больше не найдешь. И медку откушай. Пчелки-то затейницы в этот раз такую вкусноту принесли – пальчики оближешь.

Я подняла чашку. Потревоженные травинки тут же сбились в бесформенную кучу.

– Хороший у вас отвар, – сказала, отпивая глоток. – Терпкий и горячий. В сырую погоду как раз то, что надо. Я пока от портала до вашей избушки топала, озябла, как суслик. Хотела чарами согреться, но передумала – про дубки вспомнила. Они же слабенькие еще, не дай Бог магию впитают и погибнут.

– Правильно, Васятка, молодняк надо беречь, – кивнул леший. – Ты молодец, все правильно понимаешь. Не то что Ванька со Славкой. Этим аспидам хоть блокпосты ставь, все одно колдануть норовят – то телепорты перед избой активируют, то зверьем обернутся. Нет чтобы зимы дожждаться – зимой дубы в силу войдут, тогда ворожи, сколько хочешь, а они...

Леший махнул рукой и отхлебнул чаю из большой глиняной кружки.

– А скажи-ка, Василиса, – произнес он, – ты когда к моему дому пробиралась, столичных гостей не видала?

– Это которые из министерства природных ресурсов? – уточнила я, поливая хлеб медом. – Нет, Глеб Иванович. Я думала, что они уже здесь, у вас. Алена за ними в город еще утром уехала. Время – полдень, а их все нет.

– Начальство, Вася, появляется, когда захочет, – заметил мужчина. – Мы, если помнишь, столичную делегацию в пятницу ждали. Сегодня уж понедельник, а проверяющих наших нет как нет.

– Все выходные из-за них дракону под хвост, – буркнула я.

Глеб Иванович развел руками.

Леший, конечно, прав. Московское руководство само решает, в какой момент нагрянуть в заповедник с проверкой. И каждый раз выбирает для этого совершенно неподходящий момент. Нам, сотрудникам, скрывать от них нечего, однако необходимость водить по заповедным тропам экскурсии меня раздражает.

В этом году господа номенклатурщики особенно отличились. Это же надо – выбрать для инспекции первую неделю октября!

Когда Владислав Игоревич Бессмертный, директор волшебного заповедника, сообщил на еженедельной летучке, что со дня на день к нам явятся столичные гости, возмущались даже хранители грибных полянок. Хотя уж им-то с чего быть недовольными? Их подопечные осенью становятся взрослыми и серьезными, из-за кустов почти не хихикают, сов не пугают, по лесу не разбегаются. Стоят себе, важные, как индюки, перешептываются, глаз радуют.

Не то, что мои драконы.

– Как там твои ящеры, Василиса? – словно подслушав мои мысли, поинтересовался Глеб Иванович. – Сколько их в этом году вывелось?

– Трое.

– Ого! На крыло уже встали?

– Встали, – поморщилась я. – Дважды из гнезда вылетали. Мы с Синеглазкой, их матерью, замучились этих ребят из расщелин выковыривать. Они, когда горы видят, норовят их боднуть, как барашки. Да еще с разгона.

– Да ты что? – испугался леший. – Как они хоть? Целы?

– Горы?

– Дракончики.

– Что им сделается, – отмахнулась я. – У драконят головы, что чугунные горшки. И такие же пустые. Синеглазка говорит: нет мозгов – нет сотрясения. Ей сейчас справиться с ними гораздо легче, чем раньше. Они хоть и летают, зато в лес проникнуть уже не пытаются. Так что все нормально.

– Ну и хорошо, – улыбнулся хранитель лесных угодий. – А что жар-птица? Птенчики-то ее, поди, не вылупились еще?

– Не вылупились, – вздохнула я. – И это, Глеб Иванович, моя главная головная боль. Верите ли, я от их гнезда лишний раз отойти боюсь. Палатку рядом с ним поставила, каждые два дня в ней ночую, – стерегу и грею малышей, когда Огневушка на прогулку улетает. Представляете, она поначалу наотрез отказывалась яйца оставлять. Все боялась, что с ними та же беда случится, что и в прошлом году. Для нас это было потрясением, а для Огневушки – настоящей бедой. Поэтому, она как яйца в июле отложила, так и заявила, что будет на них три месяца сидеть, пока дети не вылупятся. Я ей каждый день зерно и воду таскала. Насилу уговорила хотя бы раз в неделю крылья разминать. Жар-птицам без полетов нельзя, они от этого чахнут и даже умирают. А лишиться последней жар-птицы нашему заповеднику было бы очень обидно.

– Бедная ты, – покачал леший косматой седой головой. – Все лето со своим зверьем маешься.

– Что лето, – усмехнулась я. – Лето – ерунда. У меня самая работа сейчас, в октябре. Драконы полетели, скоро пламенем дышать начнут. Огненные птицы вот-вот появятся. У их матери сезонная линька началась – перья выпадают, а новые лишь в полете растут. Огневушке волей-неволей приходится гнездо на несколько часов оставлять. Вот я ее на боевом посту и сменяю. Поляну защитным куполом окружила, чтобы ни одна муха к ней приблизиться не могла, а сама рядом сижу, температуру воздуха контролирую. Утомилась – жуть. Счет уже на дни идет – у яиц вот-вот скорлупа треснет, а тут проверка...

Я устало потерла виски. Леший вздохнул.

За окном громко карнула ворона.

– Слышишь? – оживился Глеб Иванович. – Кажись, наша делегация пришла.

Стоило ему это сказать, как дверь избушки скрипнула, а в сенях раздался топот ног. Первой в горнице появилась Алена. Ее взгляд был обеспокоенным, брови сдвинуты на переносице.

– Всем привет, – угрюмо сказала она. – Заждались? Встречайте гостей.

Вслед за Аленой в комнатку вошли еще двое – Макар Евгеньевич Сорокин и Ядвига Марковна Барская – неизменные кураторы заповедника от магического управления Министерства природных ресурсов и экологии. У меня давно сложилось впечатление, что эти ребята считают поездку в наши «поля» законной возможностью вырваться из душного офиса, чтобы побродить по лесу и подышать свежим воздухом. На инспекцию им традиционно отводится неделя, и используют они ее на всю катушку – во все овраги залезут, сунут нос в каждое дупло. И это несмотря на свой возраст и габариты.

Впрочем, надо быть честной – при одинаковых годах (каждому из них лет пятьдесят, не больше) серьезные габариты имеет только Ядвига Марковна. Этакую красоту и мощь не каждый стул выдержит. Макар же Евгеньевич тонок, будто полевая былинка. При этом необъятная Барская скачет по тропкам и буеракам молодой косулей, а Сорокин задыхается уже после двух километров неторопливой ходьбы.

Учитывая, что поездки в заповедник кураторами воспринимается, как активный отдых, при встрече с нами эти ребята расцветают, как козлобородник в пять часов утра. Однако сегодня их лица почему-то были хмурыми, а взгляды озабоченными. Один в один, как у Алены.

– Что случилось? – вместо приветствия спросила я у них.

Сорокин коротко вздохнул. Ядвига Марковна на мгновение скривила губы и мотнула головой в сторону приоткрытой двери. В тот же миг дверь скрипнула снова, и на пороге появился светловолосый незнакомый мужчина лет тридцати. Он был высокий, широкоплечий, с копной буйных золотых кудрей и большими серыми глазами, делавшими его похожим на поэта Сергея Есенина. Как и остальные члены комиссии, он был одет в болоньевую куртку и теплые походные штаны.

– Добрый день, – громко сказал мужчина, широко улыбнувшись.

Мы с Глебом Ивановичем обалдели на него вытаращились. Незнакомец совершенно точно не был ни волшебником, ни оборотнем, ни даже троллем. Он был самым обычным человеком. В связи с этим у меня появился закономерный вопрос: как, черт возьми, он здесь оказался?!

– Коллеги, прошу любить и жаловать – Иван Андреевич Царев, – выдавив из себя дружелюбный оскал, провозгласила Ядвига Марковна. – Иван Андреевич является третьим заместителем директора Департамента госполитики в сфере особо охраняемых природных территорий. Он будет инспектировать ваши владения вместе с нами.

Я растерянно моргнула. Инспектировать волшебный заповедник?.. А что, обычных людей теперь допускают к магическим объектам? Или этот Царев настолько крут и важен, что его за здорово живешь посвятили в тайну существования чародеев?

Если не ошибаюсь (а я не ошибаюсь!) о том, что рядом с обычным человеческим миром живет мир волшебный, знают далеко не все. Так как наши пути неизбежно пересекаются, при каждом столичном министерстве давным-давно были организованы особые отделы, ведающие делами магического сообщества. Все эти отделы следят за колдовским правопорядком автономно и главам людских департаментов отчитываются о своей работе хорошо если раз в год. Насколько я знаю, у них выстроена четкая схема взаимоотношений, которая всех устраивает – хоть и сотрудничают, однако в дела друг друга не вмешиваются.

Между тем, даже такое регламентированное общение для чародеев не безопасно – всегда есть вероятность, что коллеги-чиновники случайно (или не случайно) раскроют кому-нибудь тайну магического мира. Чтобы исключить эту вероятность, каждый из них приносит Клятву молчания, скрепляемую собственной кровью. После такого ритуала поклявшийся может говорить о волшебниках – реальных, не сказочных – только с самими волшебниками или с другими людьми, посвященными в наш секрет.

Мера не слишком приятная, но необходимая. При этом что-то мне подсказывало: Иван Царев никаких клятв не приносил и вообще не в курсе, что все находящиеся перед ним люди являются чародеями. Возможно, дело было в его спокойном оценивающем взгляде и плавных размеренных движениях. Встретившись с колдунами, посвященный человек ведет себя спокойно и тревожно. Или же, наоборот, лучится детским восторгом. Этот же, хоть и улыбался, был невозмутимым, как горный склон, и чувствовал себя в нашей компании вполне уверенно.

В связи с этим, вставал все тот же закономерный вопрос: как получилось, что этот третий заместитель пятнадцатого министра приехал в наши заповедные края?

Ядвига Марковна, между тем, продолжала церемонию знакомства.

– Иван Андреевич, позвольте представить вам сотрудников заповедника. С Аленой Игнатьевной Козловой вы уже знакомы и знаете, что она отвечает за благополучие здешней акватории. А это Глеб Иванович Дубравин – заслуженный ботаник страны, селекционер, крупный эксперт по деревьям и кустарникам редких пород.

Царев протянул лешему руку. Тот поднялся из-за стола и крепко ее пожал.

– Приятно познакомиться, – сказал Иван, глядя на лесного великана снизу вверх.

– Взаимно, – ответил Глеб Иванович. – Добро пожаловать.

Ядвига Марковна повернулась ко мне.

– Эта чудесная барышня – Василиса Матвеевна Берендеева, – сказала она. – Старший научный сотрудник заповедника, зоолог, уникальный специалист по работе с исчезающими видами животных. Не поверите, Иван Андреевич, звери ее обожают. Да-да. Я сама видела, как к ней ластилась огромная страшная змея, а редчайшие золотые фазаны преспокойно садились к Василисе Матвеевне на колени.

– Очевидно, Василиса Матвеевна – добрая заботливая девушка, – серьезно сказал Царев. – К злому человеку звери в руки никогда не пойдут. Рад знакомству, Василиса.

– И я рада, Иван Андреевич, – кивнула в ответ.

Глеб Иванович негромко кашлянул.

– Что ж, гости дорогие, не желаете ли отведать травяного чайку с медом? – предложил он. – Вы к нам полдня добирались, – леший выразительно посмотрел на Сорокина с Барской. – Устали, небось, с дороги-то.

– Устали, – печально вздохнул молчавший все это время Макар Евгеньевич. – А потому ни от чая, ни от меда отказываться не будем.

– А я бы перед чаепитием немного прогулялся, – вдруг заявил Царев. – Коллеги мне рассказывали, что вы, Глеб Иванович, неподалеку от своей избушки аллею редких дубов посадили. Вроде бы у вас там и монгольские дубки имеются, и зубчатые, и даже каштановые.

– Что есть, то есть, – согласился леший. – Желаете на них взглянуть?

– Если вы не возражаете. Очень уж любопытно. Я, знаете ли, по дубам собираюсь диссертацию писать.

– Ну, раз диссертацию... – пожал плечами Дубравин. – Василиса, Аленушка, вы же знаете, где у меня чай с медом хранятся? Поухаживайте за гостями. А мы с Иваном Андреевичем мигом – сбегаем до дубков и назад, одна нога здесь, другая там.

Когда леший с чиновником вышли из избушки на улицу, я снова уселась на стул, повернулась к гостям и, стараясь скрыть раздражение, поинтересовалась:

– Кто-нибудь объяснит, что здесь происходит?

Сорокин и Барская переглянулись.

– Происходит бюрократический произвол, Василиса, – ответил мне Макар Евгеньевич. – В самом его махровом виде.

Ядвига грустно кивнула.

Мне же захотелось сказать, что бюрократический произвол начался с тех пор, как был отменен регламентированный график проверок, и ревизоры стали вмешиваться в наши дела, когда им вздумается. Однако сдержалась и вопросительно приподняла бровь.

– Вы наверняка заметили, что Иван Царев – обычный человек, – начал объяснять Сорокин. – Магии в нем нет ни на грош...

– Это трудно не заметить, – подала голос Алена. – Когда вы трое вышли сегодня из поезда, я попросту обалдела.

– Из поезда? – изумилась я. – Вы приехали на поезде?!

– Двое суток тряслись в купе, как горошины в консервной банке, – мрачно подтвердила Барская. – Поверь, Алена, когда мы узнали, что этот белобрысый отправится в заповедник вместе с нами, обалдели не меньше тебя. Думаешь, почему мы прибыли так поздно? Потому что, вместо того, чтобы добраться до вас нормальным телепортом, кинулись покупать железнодорожные билеты, а потом наслаждались прелестями междугородней поездки – чтобы нашему новому другу было комфортно.

– Ивана Андреевича сюда командировали решением магического и общелюдского управлений, – сказал Макар Евгеньевич. – Видите ли, дамы, коллеги из смежных отделов давно

выражают недовольство нашей автономностью. Особенно те, которые не давали Клятву. Мы для них – такие же служащие министерства, как и они сами, и многим из них наша деятельность, мягко говоря, не понятна.

– Им не правится, что мы ни перед кем не отчитываемся, – фыркнула Ядвига Марковна. – Если их работу, при желании, может проследить любой человек, имеющий маломальские полномочия, то нашу – только высшее руководство.

– Много лет магический отдел никто не замечал, – продолжил Макар Сорокин. – Однако последние два года все как с цепи сорвались – всем интересно, чем конкретно мы занимаемся. Дело в том, дамы, что в министерстве существует еще один отдел – точно такой, как наш. С теми же обязанностями, должностями и даже зарплатой. Только в ведении этого отдела находятся самые обычные заповедники и заказники. Три года назад там сменился начальник. Он-то на нас внимание обратил, а потом начал задавать неудобные вопросы. Теперь все спрашивают, в чем состоит наша работа, если есть люди, которые делают то же самое? Многие считают, что нашего ведомства на самом деле нет, а его должности – липовые. Соответственно, происходит нецелевой расход бюджетных средств. А это уже подсудное дело.

– А как же высшее руководство? – удивилась я. – То, которое посвящено в тайну магического мира? Неужели оно не может разобраться с недовольными?

– Это, Василисушка, не нашего ума дело – кто с кем разбирается, и кто кому что объясняет, – заметила Барская. – Для этого есть специально обученные господа. А мы с Макаром Егорычем люди маленькие. Заповедники инспектируем, отчеты пишем, бумажки перебираем. Нам сказали взять белобрысого в заповедник, мы взяли. Решило наше руководство другому руководству доказать, что отдел не липовый и денежки на развитие и хлеб с маслом не просто так получает, – кто мы такие, чтобы ему возражать?

Алена покачала головой.

– Клятву-то ваш Царев хотя бы принес? – спросила она.

– Ничего он не принес – ни клятвы, ни толку, – хмыкнула я. – Ты видела, как он себя ведет? Этот красавчик знать не знает, что приехал к колдунам, лешим и русалкам.

– А ведь и правда, – как-то испуганно пробормотала Алена. – Ох ты ж шуки-караси!.. Хорошо, что я по дороге болтать постеснялась. Ляпнула бы чего-нибудь лишнего, а мы потом огребали бы проблемы всем заповедником... Погодите-ка. Макар Евгеньевич, как же так? Ведь привозить непосвященного человека на магическую территорию строгойше запрещено!

Ядвига с Макаром снова переглянулись.

– На самом деле, Аленушка, господину Цареву бродить зачарованными тропами вовсе не нужно, – ответил Сорокин. – В ближайшие пять дней дальше поселка он не уйдет: будет гулять по кабинетам администрации и проверять документы у бухгалтерии и кадровиков. Именно для этого его с нами и отправили. Однако по пути пришлось внести в план небольшие коррективы.

– Например, притащить его в гости к лешему, – кивнула я.

– Например, дать вашему директору время, чтобы он успел зачаровать документы, – едко возразила Ядвига Марковна, – и заменить жар-птиц на золотых фазанов, драконов на ящериц, а трын-траву на степной ковыль. Согласитесь, девочки, если проверять бумажки приехал непосвященный человек, значит, читать его отчеты будет кто-то такой же. Поэтому-то мы Царева и решили кругом провезти – сначала в лес на прогулку, а потом уж к Владиславу Игоревичу на рюмку чая.

– Вы уж нам подыграйте, девоньки, – с грустью в голосе попросил Макар Евгеньевич. – Мы тут немного посидим, по осенним дорожкам походим, а потом в поселок поедem. Мешать вам не станем.

С моих губ сорвался тихий смешок.

– Свежо предание, – буркнула я.

Сорокин оживился.

– А что, Василиса Матвеевна, ваши дракончики из гнезда уже вылетают? – вдруг поинтересовался он.

– Вылетают.

– Как интересно! Понаблюдать за ними позволите?

– Позволю, конечно, – я пожала плечами. – Только летают они пока низко и не очень уверенно.

– Это ничего, – махнул рукой Макар Евгеньевич. – Я, Василиса, на летающих драконят давно посмотреть мечтал. Нарочно в этот раз время инспекции выбрал, чтобы к их вылету успеть.

Я глубоко вздохнула. Убила бы, честное слово.

Барская открыла рот, однако сказать ничего не успела. В сенях скрипнули дверные петли, послышались шаги. Алена подскочила с места и кинулась заваривать чай.

Дубравин и Царев вернулись чрезвычайно довольными.

– Коллеги, я ошеломлен, – заявил Иван Андреевич, усаживаясь за стол рядом с Макаром Сорокиным. – Честное слово! У вас не заповедник, а сказочная страна. Я ни разу не видел, чтобы на одной территории было собрано столько краснокнижных растений! А ведь мы гуляли неподалеку от опушки и даже не углубились в лес!

– Дубочки мои вам тоже понравились? – с улыбкой поинтересовался леший.

– Ваши дубы, Глеб Иванович, – былинные богатыри, – охотно откликнулся Царев. – Я-то думал, вы мне хиленькие ростки покажете, а у вас там три в одном – мощь, сила, красота. Кстати, коллеги. Я слышал, что, кроме леса, в этот заповедник входят еще какие-то объекты.

– Верно, – кивнула Алена. – Мы, Иван Андреевич, работаем в четырех природных зонах: в лесной, озерно-болотной, почвенной, объединяющей три поля с уникальным плодородным грунтом, и горной.

– То есть как – горной? – удивился Царев. – Тут есть настоящие скалы?

– Есть, – кивнула я. – Вы слышали о гряде, которая называется Змеиным хребтом?

– Конечно, слышал.

– О ней мы сейчас и говорим. В горную зону заповедника входит нижний участок Змеиного хребта.

– Теперь понятно, – глаза Ивана блестели, как звезды. – Ох, и богаты же вы, коллеги! Туристы будут в восторге!

Алена замерла с поднесенной ко рту чайной чашкой. Сорокин и Барская перестали жевать.

– Туристы? – переспросила я. – Какие еще туристы?

– Обыкновенные, – пожал плечами Иван. – Которые в следующем году приедут в ваши уголья.

В горнице повисла тишина.

– Вы, должно быть, не в курсе, – сообразил Царев. – Дело в том, коллеги, что в ближайшее время эту территорию должны включить в список туристических объектов России. Знаете, прогулки по таким лесам, как ваш, сейчас очень популярны. Жители больших городов готовы платить хорошие деньги, чтобы посмотреть на диких зверей и живописные пейзажи. Поверьте, это настоящая золотая жила. Возьмите хотя бы Орловское полесье или воронежский бобринный заповедник. Экскурсанты едут туда потоком, а вместе с ними едет благоустройство территории, увеличение заработной платы сотрудникам и дополнительные средства на хозяйственные дела.

– У нас в средствах и так нет особой нужды, – пробормотал Глеб Иванович.

– Развитие туризма, в том числе экологического, является личным указом президента, – заметил Царев. – Я сюда для того и приехал, чтобы осмотреть местность и обсудить с вашим директором будущие туристические маршруты.

– А как же документы? – удивился Макар Евгеньевич. – Нам сказали, что вас командировали для ревизии бумаг.

– Для этого тоже, – кивнул Иван. – Сегодня-завтра я, конечно, их полистаю, однако потом буду детально изучать природные зоны заповедника.

Вот это поворот! Эта златовласка правда думает, что мы пустим его на зачарованные поляны?..

– Иван Андреевич, – мягко произнесла я, – вы же биолог, и должны понимать, что наш заповедник для туризма совершенно не подходит. Его флора и фауна настолько уникальны, что мы не можем пустить сюда посторонних людей. Страшно представить, какие травы могут вытоптать эти самые экскурсанты и какие сломать кустарники.

Царев вежливо улыбнулся.

– Вы утрируете, Василиса Матвеевна, – сказал он. – К редким травам и кустарникам туристов никто не подпустит. Для этого и разрабатываются специальные маршруты – чтобы людям было интересно, а растения и животные от этого интереса не пострадали. Поверьте, туристы никому не причинят вреда. Мы с коллегами об этом позаботимся.

– Владислав Игоревич в курсе ваших планов?

– Ему должны были о них сообщить, – подтвердил Иван. – Думаю, как руководитель заповедника, он понимает, насколько это важное и нужное дело. Вы все тоже это скоро поймете.

А не поймете, так привыкните, ага. Это же надо выдумать: туристические тропы в волшебном заповеднике! Не знаю, что за спектакль устроили господа из природоохраны, однако место действия они выбрали неудачное. Надеюсь, Бессмертный сможет это популярно объяснить и Цареву, и его чокнутому начальству.

Допив чай, московская делегация удалилась. Глеб Иванович вызвался проводить ее до опушки.

– Сдается мне, Вася, ждут нас в ближайшие время приключения, – мрачно сказала Алена, когда все они скрылись за деревьями.

Я устало потеряла виски.

– Я в этом не сомневаюсь, Аленушка.

ГЛАВА 2

Владислав Бессмертный был невозмутимым, как горный склон. О его удивительном умении держать себя в руках ходили легенды и сочинялись баллады. Пост директора волшебного заповедника он занимал много лет, и за это время его ни разу не видели раздраженным или извергающим проклятия. Некоторые острословы считали, что глубочайший флегматизм господина директора напрямую связан с холодом его рук – якобы однажды зимней ночью этот чародей мирно умер в собственной кровати, однако утром восстал по звонку будильника и отправился на рабочее место. После этого его карьера пошла в гору – так как нежити глубоко плевать на проблемы теплокровных созданий, любые неудачи, потрясения и задания руководства воспринимались им без нервозности.

Эти домыслы, конечно же, были полной ерундой. Принадлежность Владислава Игоревича к миру живых подтверждал ежегодный медосмотр, а нервничал он довольно часто, только без криков и все тех же проклятий. В такие моменты внутреннее состояние Бессмертного определял его взгляд – такой холодный и тяжелый, что им можно было забивать гвозди и разламывать тектонические плиты. Попадаться директору на глаза в это время было опасно, ибо существовала вероятность, что спокойный и уравновешенный колдун спокойно и уравновешенно втопчет попавшегося на глаза подчиненного в линолеум или асфальт.

Умение Владислава Игоревича держать себя в руках в купе с прекрасными управленческими навыками вызывало у нас, сотрудников заповедника, ощущение, что худощавая спина Бессмертного – это каменная стена, способная защитить нас от любого чудачества московского руководства. Когда же на следующий день после прибытия столичных проверяющих директор созвал нас на внеочередную летучку, многие (в том числе и я) шагали в административный корпус с твердой уверенностью – все будет хорошо.

Новость о том, что кому-то из номенклатурщиков пришла в голову гениальная идея пустить в заповедник туристов, разнеслась по заповеднику за несколько часов. Одни ребята этому возмутились, другие попросту не поверили. При этом всех несколько напрягло, что планерку господин Бессмертный назначил на семь часов утра.

У многих (в том числе у меня) в это время заканчивались ночные обходы территорий, а потому на совещание они явились прямо из леса – в спецовочных костюмах и сапогах. Я еще и отчаянно зевала – ночь в этот раз выдалась хлопотная, а потому конкретно сейчас мне больше всего на свете хотелось принять душ и спрятаться под одеялом.

Директор встретил нас, находясь в приподнятом настроении. Когда мы уселись в кресла конференц-зала, он вкратце сообщил о прибытии ревизоров, отметив, что из-за бюрократического казуса, среди них оказался человек, ничего не знающий о волшебном мире.

– Ивану Цареву дано задание изучить заповедник и составить по нему несколько туристических маршрутов, – сказал Владислав Игоревич. – Я убедительно прошу вас быть с гостем вежливыми и не ставить ему препятствий.

В зале повисла тишина. Мы с коллегами уставились на директора удивленными глазами.

– Прибытие Ивана Андреевичем стало для меня сюрпризом, – продолжал директор. – О том, что проверяющих будет трое, я узнал лишь позавчера вечером, а об особенной миссии господина Царева – еще позже. Вчера у меня состоялся интереснейший разговор с руководителем магического отдела природоохраны, и он убедил меня, что пускать в наши края туристов никто не собирается.

По рядам прокатился вздох облегчения.

– Однако, есть некоторые обстоятельства, вынуждающие его просить нашей помощи, – Бессмертный обвел нас внимательным взглядом. – Коллеги, Иван Царев должен выполнить свое задание. Я прошу вас отнестись к этому с пониманием. Сегодня он будет проверять нашу документацию, а с завтрашнего дня приступит к осмотру заповедных зон. Если гость попросит вас провести экскурсию по той или иной локации, не отказывайте ему. Но помните: этот человек не знает, что имеет дело с магически одаренными людьми. Соответственно, ничто не мешает вам повесить на свои территории отворотные чары и водить господина Царева только там, где вы посчитаете нужным. Можете показать ему болота, рощи, грибные поляны – что угодно. Пусть составляет маршруты и пишет отчеты. По возвращении в Москву, все материалы, касающиеся нашего заповедника, будут изъяты, а с самим Иваном Андреевичем проведена работа по корректировке памяти.

– Почему бы не наложить на Царева чары прямо сейчас? – подал голос Глеб Иванович. – Сварить ему зелье из нечай-травы, пару ментальных картинок добавить – с лесом и болотами, да угостить его этим зельем за обедом. Пусть до конца командировки в комнате сидит и отчеты свои сочиняет. От нечай-травы ему такие видения красивые приходить будут, никаких прогулок не надо.

Коллеги согласно закивали.

– Предложение, конечно, интересное, – согласился директор. – А только я, Глеб Иванович, на себя такую ответственность брать не стану. Прямое магическое воздействие на человека является не законным, и вам об этом известно. Одно дело скрыть от непосвященного драконов и русалок, и совсем другое – поить его галлюциногенным отваром. Коллеги, мы с вами взрослые разумные люди. Давайте не будем ребячиться. Столичное руководство настоятельно про-

сило войти в положение и слегка... м-м... подыграть нашему гостю. Его вовсе не надо заводить глубоко в лес или поднимать на горные вершины. Беглого осмотра локаций будет достаточно. Иван Андреевич – житель большого города и вряд ли привык к прогулкам по чащам и топям. Конечно, было бы прекрасно, если б нам удалось убедить его вовсе отказаться от идеи с туристами. Скажем, представить заповедник обычным лесом, на облагораживание которого требуется немало бюджетных средств. Если Царев заявит своему начальству, что у нас нет ничего интересного, это убережет его от стирания памяти, а нас – от другой подобной ерунды.

По рядам побежали шепотки. Сидевшая рядом со мной Алена поджала губы.

– Сколько времени господин москвич пробудет в наших местах? – подал голос орнитолог Слава Соколов.

– Не меньше недели, – откликнулся директор. – Он должен уехать обратно вместе с Ядвигой Барской и Макаром Сорокиным.

Шепотки стали громче.

– Владислав Игоревич, а как же форс-мажоры? Что, если Царев увидит кого-нибудь из обитателей заповедника? – поинтересовалась Венера Никаноровна Ягужевская – миколог, главный специалист по здешним грибным полянам. – Шило в мешке не утаишь – живности у нас много, и если она почует в лесу нового человека, непременно выползет с ним знакомиться. По крайней мере, мои мухоморы выползут точно. И я не уверена, что смогу их сдержать.

– А мои духи вообще по всему лесу шатаются! – выкрикнул из верхнего ряда Виталик Яровой, штатный некромаг заповедника. – И блудички тоже. У них сейчас сезон деления, они по вечерам под каждой елкой сверкают.

– Если Царев пойдет к озерам, то наверняка потревожит моих русалок, – громко заявила Алена. – А у них зимняя спячка на носу. Если их сейчас побеспокоить, они снова станут активными и уснут только к декабрю. Представляете, какой начнется бардак?

Бессмертный закатил глаза.

– Бардак, коллеги, – наша естественная среда обитания, – заметил он. – Мы в нем живем постоянно. Что же до ваших вопросов, у меня на них ответ один: показывать волшебных созданий Цареву нельзя. Как и любому другому человеку, не принесшему Клятву молчания. Соответственно, ваша прямая задача – не допустить их встречи. Каким образом это сделать, думайте сами. Вы профессионалы? Колдуны? Вот и проявите свои способности. Право, коллеги, разве это так сложно – отвести глаза одному единственному мужчине? Я понимаю, у многих из вас сейчас куча важных дел. Не случится ничего страшного, если вы отвлечетесь от них на час-полтора, чтобы определить, по какой тропинке проведете экскурсию, если господин Царев вдруг решит почтить вас визитом. И еще. Гулять по заповеднику Иван Андреевич будет не один. Нам необходимо выбрать ему провожатого, который станет следить, чтобы он не заплутал в чаще и не наткнулся на говорящего оленя или гнездо жар-птицы.

Я подняла руку.

– Разве его не буду сопровождать Сорокин и Барская? – спросила у директора.

– Нет, – покачал головой тот. – У них свои задачи. К тому же, Ядвига Марковна и Макар Евгеньевич во время своей работы должны свободно проходить в такие уголки заповедника, куда Цареву проход закрыт. Ну, так что, коллеги? Кто согласен поработать экскурсоводом?

Почти минуту в зале висела тишина.

– Давайте я поработаю, – снова подал голос Слава Соколов. – На моем участке сейчас затишье, отчеты я сдал. Могу пообщаться с дорогим гостем.

– Отлично, – кивнул Владислав Бессмертный. – Еще вопросы есть? Если нет, можете быть свободны.

Народ, продолжая перешептываться, потянулся на выход. Когда я проходила мимо директора, он осторожно тронул меня за плечо.

– Василиса, задержитесь на минутку.

Я махнула рукой обернувшейся Алене и вернулась обратно. Владислав Игоревич дождался, когда последний сотрудник заповедника выйдет из конференц-зала, после чего плотно закрыл дверь и подошел ко мне.

– Я правильно понимаю, что вы уже знакомы с нашим столичным гостем? – спросил Бессмертный.

– Да, – кивнула я. – Мы виделись вчера в избушке Глеба Ивановича. А что?

– Иван Царев спрашивал меня о вас и вашей работе. Он сказал, что ему хочется взглянуть на горы Змеиногорского хребта и, по возможности, на обитающих там животных. За неделю Иван Андреевич вряд ли успеет обойти весь заповедник, однако к вам он заглянет наверняка. Возможно даже, в первую очередь. Поэтому я прошу – подготовьтесь к этой встрече заранее. Попросите драконицу увести молодняк подальше в пещеры или хотя бы убедите не высываться некоторое время из гнезда. При желании, можете укрыть его пологом тумана.

– Владислав Игоревич, к чему такие сложности? – удивилась я. – Я, конечно, попрошу Синеглазку на время отменить полеты, однако дольше пары дней ни она, ни дети, в гнезде не усядут. Да и зачем это надо, если Ивану после возвращения в столицу переделают память?

Директор глубоко вздохнул, а его взгляд стал задумчивым.

– Видишь ли, Василиса, – тихо сказал он, – есть вариант, что никто его память корректировать не будет. У меня ощущение, что Царева к нам отправили не из-за казуса, про который мне вчера вдохновенно рассказывали по телефону, а с какой-то иной целью.

Он плавно опустился в одно из кресел. Его прямые плечи непривычно ссутулились. Я же вдруг обратила внимание, что в черных волосах Бессмертного значительно прибавилось седины, тонкие морщинки на лбу стали глубже и заметнее, а его вечная худоба теперь выглядит болезненной. На самом деле, это было неудивительно – Владислав Игоревич не так молод, как может показаться. Мне это известно наверняка, потому как директор волшебного заповедника является давним другом моей семьи. Однако же в последнее время Бессмертный заметно сдал. Судя по слухам, которые ходят по нашему поселку, это связано отнюдь не с возрастом, а с какими-то внешними проблемами, кои ему приходится решать в одиночку.

– Что же это за казус такой, Владислав Игоревич? Я при всех спрашивать не стала. Постеснялась.

– Это не казус, а бред, – директор махнул рукой. – Вроде бы в министерстве произошла неожиданная перестановка кадров. Пришли новые люди, начали задавать неудобные вопросы. Пока готовился ритуал Клятвы молчания, оказались составлены и подписаны бумаги, по сравнению с которыми миссия Царева – полная ерунда. Теперь волшебный отдел стоит на ушах и в срочном порядке подчищает все эти чудеса и куралесы. Ты смотри, Василиса, никому об этом не говори. Это я тебе по-родственному рассказал.

– Нам Ядвига с Макаром вчера сообщили примерно то же самое, – заметила я. – Как по мне, ничего особенного в этом нет. Но вы считаете иначе, да?

– Я, мой дорогой ребенок, в своем кресле сижу много лет. За это время на моих глазах столько интересного произошло, не дай Бог никому. Поэтому говорю совершенно точно: Царева к нам прислали неспроста. Есть у меня чуйка, что должен он найти или, наоборот, не найти у нас нечто такое, что так всколыхнет леса, поля и реки – мало не покажется. Держи ухо востро, Василиса, ибо думается мне, что поиски эти будут проходить преимущественно на твоей территории. Очень уж ты Цареву приглянулась. Неспроста это, Вася. Ох, неспроста.

К просьбе директора биологи отнеслись серьезно. Зачаровывать тропы ребята отправились в том же составе, в каком находились в конференц-зале – за исключением меня и еще нескольких человек, потопавших отсыпаться после ночной смены.

Улицы поселка в этот день были тихими и пустынными, хотя обычно бывает наоборот. Заповедник занимает внушительную площадь, сотрудников у него немало, поэтому в деревеньке проживает больше трехсот человек, включая не только научных сотрудников, но и администрацию, бухгалтерию, отдел кадров, работников технической и хозяйственной служб, а также членов их семей. Что интересно, чародеями являются примерно две трети этих людей, остальные – посвященные, принесшие Клятву молчания.

Несмотря на то, что заповедник находится далеко от каких-либо городов (если мне не изменяет память, от нашего леса до ближайшего районного центра около двухсот километров, из которых половина – полнейшее бездорожье), в поселке созданы все условия, чтобы обеспечить сотрудникам более-менее комфортную жизнь. У каждого из нас есть отдельный дом, причем, вне зависимости, от того, проживает он в нем один (как я) или целым семейством – с супругом и детьми. Некоторые фанаты живой природы поставили свои избушки прямо в лесу. Таковых у нас двое – Глеб Иванович и Венера Никаноровна, в народе именуемая бабой Веней. Еще в поселке есть магазин с товарами повседневного спроса, медпункт, кафе-столовая, клуб с парикмахерской и собственным кинозалом и даже маленький детский сад.

Так как многие бытовые проблемы без труда решаются при помощи магии, жить в заповеднике весело и удобно. Даже вопрос с расстоянием до «большой земли» не может считаться такой уж проблемой – мы привыкли передвигаться порталами, а потому количество километров до городской ярмарки, торгового центра или модного ресторана, не имеет никакого значения. Правда, в заповеднике есть места, где открывать телепорты нельзя – например, на въезде, в вотчине Глеба Ивановича. При этом, ничто не мешает нам выйти за пределы волшебных земель, переместиться на окраину города, и уже от туда вызвать такси, отправиться на автобусную остановку или на телепортационную станцию – если понадобилось прогуляться в областной центр или посетить столицу.

Некоторые односельчане так путешествуют каждую неделю – чтобы навестить родственников или друзей. Другие и вовсе бегают в город несколько раз в день – чтобы отвести в школу подростков детей, а потом забрать их обратно.

Между тем, подобные прогулки – прерогатива ребят из административного корпуса или хозяйственной службы. У остальных на такие вояжи попросту нет времени. К примеру, я благополучно забыла, когда в последний раз выбиралась за пределы заповедника, ибо с прошлого лета работаю в режиме, близком к авралу, – с тех самых пор, как кто-то повадился воровать яйца жар-птицы.

Вот и сегодня, отоспавшись после ночных бдений, я приняла душ, проглотила тарелку кукурузной каши и большую чашку кофе, и снова отправилась в лес.

По пути заскочила к хозяйственникам – за зерном, а потом к роднику – за водой. Всем этим я намеривалась угостить Огневушку. Бедняжка всю ночь летала над лесом, надеясь быстрее отрастить новые перья, а потому почти не успела перекусить. Сидит теперь в гнезде, греет детей, а сама страдает от голода и жажды.

Добравшись до ближайшего силового узла, открыла портал и в следующую секунду шагнула на поляну жар-птиц. Защитный купол, которым я окружила прилегающую к гнезду территорию, негромко загудел – оповестил хозяйку, что к ней пожаловал гость. Надобности в этом было не много, потому как беспрепятственно проходить через него можем только Огневушка и я. На всех остальных, включая случайного зайца, лешего и даже директора заповедника, купол отреагирует воем сирены и парализующими молниями. И директору, и лешему, и зайцам об этом известно, а потому никто из них рядом с поляной жар-птиц не гуляет.

Огневушка встретила меня встревоженным клекотом. На угощение она внимания не обратила, зато эмоционально размахивая крыльями, начала рассказывать о том, что утром рядом с поляной кто-то ходил. Учитывая, что человеческой речью жар-птицы не владеют – их артикуляционный аппарат не приспособлен для столь сложной передачи звука, а телепатиче-

ских способностей хватает лишь на передачу эмоций, общаться с ними не так уж просто. Вот и теперь меня накрыла волна из ярких чужих ощущений, от которых мгновенно заболела голова.

Огневушке ужасно хотелось пить, было некомфортно из-за полусменившихся перьев и до жутиков страшно из-за того, что незадолго до полудня охранные заклинания стали издавать легкий перезвон – так бывает, если в нескольких метрах от них появился чужак. Вариант, что чужаком могла оказаться белка, олень или кто-нибудь из сотрудников заповедника, жар-птицей сразу отметался. Она клювом чувствовала исходившую от него опасность, а потому была уверена, что неизвестный нарочно ходит кругами вокруг защитного купола – выискивает в нем слабые места, чтобы проникнуть через одно из них на заповедную поляну.

Тревога Огневушки была понятна. Прошлым летом она дважды лишилась кладки яиц, а заповедник остался без огненного молодняка, что по факту являлось едва ли не катастрофой.

Предпосылки этой самой катастрофы начались несколько лет назад, когда в лесу одна за другой стали погибать жар-птицы. Учитывая, что оседлый образ жизни ведут только самки этих волшебных созданий, мор начался именно среди них. Стоило самцам улететь в дальние дали, а их огненным подругам отложить яйца, как произошло что-то непонятное. Огневушки одна за другой начали слабеть, терять перья, а потом и вовсе умерли – без каких-либо видимых на то причин. Вместе с ними погибли птенцы, не успевшие впитать материнский огонь. Поддержать их магическим способом не было никакой возможности – жар-птицы умерли внезапно, яйца, как следствие, остыли, отнимая жизнь у едва завязавшихся зародышей.

В первый год эпидемии на небесные луга вместе со своим выводком отправились две жар-птицы, во второй – четыре. Гибель первых несущек ни у кого не вызвала опасений – по птичьим меркам эти дамы находились в почтенном возрасте, а потому их смерть оказалась событием хоть и печальным, но вполне закономерным. Когда же в мир иной отправились крепкие молодые особи, я забила тревогу.

На полянах провели тщательную дезинфекцию, а оставшихся в живых самочек – слишком юных для гнездования – поместили в карантин. Потом, правда, пришлось выпустить их обратно в лес – все они были здоровы и сидеть взаперти категорически не желали. Исследование тел погибших сородичей также ни к чему не привело – природный огонь выжег следы неизвестной болезни, и причина смерти осталась неизвестной.

Жар-птиц в заповеднике всегда было мало, теперь же их существование и вовсе оказалось под угрозой, поэтому мне в прямом смысле пришлось контролировать каждый шаг этих светлых созданий. Я с утроенным вниманием следила за их питанием, линькой, взаимодействием с другими обитателями волшебного леса. Все было хорошо ровно до тех пор, пока молодые самки не достигли репродуктивного возраста. Период гнездования совпал со смертью еще двух огневушек. Причем, в этот раз все оказалось не столь тихо, как в прошлые годы, – птицы умерли не от болезни. Их разодранные тела были найдены у развороченных гнезд – молодые матери погибли, защищая своих детей.

Тут уж случился скандал. Да какой! Я лично, грозясь спалить к чертовой матери весь поселок, поругалась с каждым коллегой, который, даже теоретически, мог в день трагедии забрести на поляны моих огневушек.

Мотив для такого жуткого преступления у господ чародеев был железобетонный: перья и скорлупа яиц жар-птицы состоят из чистого золота, а потому являются лакомым куском для любителей легкой наживы.

Все сотрудники заповедника, за исключением тех, что находились в отпуске за тридевять земель, оказались подвергнуты сканированию памяти. И – ничего. Никто из них не был причастен к совершившемуся несчастью. Более того, ни у кого не имелось ни одной идеи по поводу того, кем мог быть предполагаемый преступник, ибо ни один волшебный зверь не мог столь жестоко расправиться с жар-птицами.

Да огневушки вовсе не подпустили бы зверя к своим гнездам! Что-что, а защищаться от хищников они умеют – так пыхнут жаром, что от врага ни рожек, ни ножек не останется. Здесь же птицы вступили с противником в бой, не применяя магию огня. Спрашивается – почему?

Ответа на этот вопрос нет до сих пор.

Мне пришлось еще раз обойти коллег и попросить прощения за напрасные обвинения.

Таким образом, в заповеднике осталась всего одна жар-птица. Почти весь прошлый год Огневушка, опасаясь повторить участь сестер, провела на моем плече. Мы вместе обходили лесные и горные дороги, вместе ели и даже спали – несколько раз она оставалась на ночь в моем доме. Однако с наступлением лета, когда к ней, единственной невесте заповедника, прилетели женихи, Огневушка проявила независимость и вернулась на свою поляну.

Чтобы всегда быть в курсе того, что с ней происходит, я повесила на птицу магическую сигналку. Возможно, именно благодаря ей она и осталась жива. Однако переполох в лесу все-таки случился. Спустя три недели после того, как Огневушка отложила яйца, кто-то похитил их из гнезда. Пропажа обнаружилась после того, как моя подопечная вернулась с прогулки – зародыши уже завязались, а потому жар-птица могла позволить себе ненадолго отлучаться к роднику или к кормушке с зернами.

Прочесав близлежащие заросли, я обнаружила кусочек золотой скорлупы неподалеку от дуба, на котором любили отдыхать местные орлы. Поэтому пропажу яиц списали на происки хищников.

Впрочем, в тот момент эта беда была поправимой. Так как самцы жар-птиц все еще летали по лесу, Огневушке удалось отложить яйца снова.

В этот раз будущие малыши пролежали в гнезде месяц, а потом тоже исчезли – теперь уж бесследно.

У меня же не осталось сомнений, что вор является человеком. Все сигналки, которые я поставила на поляне, неожиданно оказались неактивными. Отключить их мог только волшебник, а значит, злоумышленник все-таки прятался среди своих.

Я больше не кричала и не ругалась. Молча написала на имя директора докладную с просьбой разобраться в возникшей ситуации.

Владислав Игоревич снова инициировал всеобщее сканирование памяти, и снова оно не дало никаких результатов – коллеги были чисты, как младенцы. А заповедник в очередной раз остался без огненного молодняка.

Огневушка, конечно, переживала больше всех. Одному небу известно, о чем она думала на протяжении следующих месяцев, однако, сделав этим летом очередную кладку, жар-птица твердо решила сторожить птенцов до самого их появления на свет.

Порой в своих опасениях она переходила границы – ей повсюду мерещились хищники и злые колдуны, которые в мое отсутствие кружили вокруг ее гнезда и ждали удобного момента, чтобы украсть малышей.

Мне оставалось только ее успокаивать и твердить, что уж в этот раз с детьми все будет хорошо. Вот и сейчас я погладила обеспокоенную птицу по длинной шее, напоила свежей водой, насыпала в переносную кормушку зерен и пообещала, что непременно во всем разберусь.

Покидая поляну, еще раз обошла защитный купол, кое-где обновила ослабшие чары. И вдруг замерла.

Рядом с тропинкой, на мягкой лесной подстилке виднелась вмятина, напоминающая след от каблука чьего-то ботинка или тяжелого сапога.

Я огляделась по сторонам, прислушалась. Вокруг по-прежнему не было ни души. Я встала на колени и аккуратно сняла с отпечатка магический слепок. Пусть будет. На всякий случай.

Долина драконов, как и всегда, встретила меня атмосферой спокойствия и умиротворения. Уже на подходе к высокой каменной арке, за которой начиналось предгорье Змеиного хребта, были слышны грохот, вопли и визг, от которых по земле бежала мелкая, но вполне ощутимая дрожь.

Я поспешно нырнула под арочный свод – чтобы в следующую секунду отпрыгнуть в сторону от летевшего мне в голову камня.

Причина беспорядка обнаружилась сразу, как только я убедилась, что моим жизни и здоровью ничто не угрожает: из небольшой расщелины ближайшей скалы, примерно в трех метрах над землей, торчали две тонкие когтистые лапы, чешуйчатый хвост, покрытый крошечными пуговками будущих шипов, и трогательное бело-розовое пузико. Вместе с лапами и хвостом пузико билось в расщелине, пытаясь выбраться на свободу, а откуда-то изнутри горы доносился натуженный рассерженный вой. Каждый удар по скале сопровождался небольшим камнепадом.

Рядом с пузиком, визжа не то от восторга, не то от беспокойства, летали два темно-зеленых дракончика. Время от времени они хватили зубами бьющиеся о камни лапы и хвост и изо всех сил тянули в разные стороны. От этого их застрявший собрат начинал выть громче и рассерженнее.

Неподалеку на жухлой октябрьской травке возлежала драконица – большая, изящная, с блестящей изумрудной чешуей и восхитительными глазами цвета весеннего неба. Подперев голову когтистой лапой, она с интересом наблюдала за детьми, не делая ни малейшей попытки вмешаться в происходящее действо.

– Развлекаешься, Синеглазка? – поинтересовалась я, подходя к драконице вплотную.

«А что еще остается? – раздался в моей голове тихий мелодичный голос, похожий на перезвон серебряных колокольчиков. – Спрячься за моим крылом. Не дай Небо, зашибут тебя очередным валуном».

Я беспрекословно отошла ей за спину.

– Неужели тебе их не жаль?

«Мне жаль. Но не очень. Я трижды сообщила этим авантюристам, что щель слишком узкая, а потому голова с крыльями в ней непременно застрянут. Кто-нибудь мне поверил? Кто-нибудь меня послушал? Нет. Эти мальчишки учатся исключительно на собственном опыте. Что ж, теперь они знают, что любопытство способно принести неприятности».

– Ты могла бы легко вытянуть Огонька наружу.

«Могла бы, но не стану. Думаю, он вот-вот догадается, что нужно не орать, а сложить крылья, немного наклонить голову и выбираться из дыры не рывком, а медленно и осторожно. Новый опыт, Василиса. Теперь дети знают, что поступки влекут за собой последствия. Это называется воспитанием».

Я посмотрела на дракончиков. Они продолжали вопить, однако теперь двое перестали рвать лапы третьему и принялись биться лбами о камни, очевидно, надеясь сделать щель шире.

– Мальчиков воспитывать непросто, – задумчиво сказала я Синеглазке.

«Поверь, с девочками было не легче, – серебряный голос в моей голове стал насмешливым. – Хотя головы они куда зря не совали. О... У тебя обеспокоенный взгляд. Не волнуйся, дорогая, с ребятами ничего не случится. Я здесь, и в случае необходимости сразу приду на помощь. Пока же малыши заняты, у нас есть время поболтать. Ты, Василиса, к нам забежала, потому что соскучилась? Или принесла какие-нибудь новости?»

Я улыбнулась и легко погладила чешуйчатое Синеглазкино крыло.

Общаться с драконами гораздо легче и интереснее, чем с жар-птицами. Интеллект и мировосприятие этих потрясающих созданий не только схожи с людскими, но и в чем-то его превосходят. У меня много знакомых, немало родственников и хороших друзей, однако никто из них не может сравниться с Синеглазкой в мудрости, деликатности и простоте общения.

Впрочем, есть подозрение, что эта двухсотлетняя драконица воспринимает меня не как сотрудника заповедника или даже приятельницу, а как одного из своих детенышей, только подросшего и вылетевшего из гнезда во взрослую жизнь.

Вообще, у драконов отношение к потомству не такое, как у людей. Если мы можем холить своих детей до самой смерти, то у летающих ящеров родственные связи обрываются, когда молодняк достигает десятилетнего возраста. К этому моменту дракончики уже умеют летать, добывать себе пищу, самостоятельно строить гнезда, да и по размеру едва ли отличаются от родителей.

Ребята считаются взрослыми, а потому улетают из дома и больше не возвращаются. Самое забавное, что половая зрелость у них наступает лишь годам к двадцати, а первое потомство появляется не раньше сорока-пятидесяти лет, когда дракон выбирает себе пару. При случайной встрече с родителями ни одна из сторон не высказывает особого восторга – у каждого теперь своя жизнь, и другому в ней места нет.

Не скажу, что являюсь таким уж экспертом по части драконов – за время своей биологической практики я общалась лишь с тремя взрослыми особями, однако заметила, что Синеглазка значительно от них отличается. Главным отличием было именно отношение к детям. Она их обожает всем сердцем. Родись она человеком, стала бы лучшим в мире воспитателем детского сада или самым добрым и понимающим учителем.

Расставание с сыновьями и дочками Синеглазка всегда переживает тяжело. Шебутные крылатые мальчишки – ее третий и, скорее всего, последний выводок. Когда Ветос, ее муж, возвращается домой после дальних полетов, она непременно спрашивает, не встречал ли он по пути кого-нибудь из их повзрослевших детей. А потом с жадным интересом слушает его рассказы.

Я думаю, старый дракон попросту сочиняет эти истории, чтобы порадовать жену. Ее неугасающей любви к улетевшим отпрыскам он не понимает и не разделяет, однако ему очень важно, чтобы у Синеглазки было хорошее настроение. Для этого Ветос готов хоть каждый день говорить о том, как удачно устроились в жизни их сыновья и дочки.

Синеглазка безоговорочно верит каждому его слову. А я – нет. Драконов в мире осталось очень мало, гораздо меньше, чем тех же жар-птиц. Потомство в их гнездах появляется раз в несколько десятилетий, да и то не более трех яиц за раз. Подросший молодняк нередко гибнет от инфекционных болезней, поэтому всех ящеров давно разобрали по волшебным заповедникам. Правда, драконам разрешается между ними мигрировать – чтобы отыскать удобное место для будущего гнезда, наладить социальные связи, выбрать пару или просто размять крылья, однако они пользуются этой привилегией не очень охотно. За исключением молодых, конечно. Те предпочитают жить вдали от родителей, а потому улетаю на соседние территории и уже там оседают на долгие годы.

Ветос никогда не путешествует дальше последней гряды Змеиного хребта, а потому вероятность встретиться с кем-нибудь из детей, совсем не высока. Наверное, его супруга это тоже понимает, но ей нравится верить, что муж все-таки сумел с ними повидаться.

Меня Синеглазка с первой же встречи ненавязчиво взяла под свое крыло. Ее деликатность вызывает восхищение. Она признает меня взрослой и самостоятельной, однако будто бы видит во мне одну из своих дочерей, – девочку, которой нужно помогать добрым словом или мудрым советом. Возможно, дело в том, что мы с ней принадлежим к одной и той же стихии – драконица умеет извергать огонь, а я владею его магической силой.

– В заповеднике случилось небольшое происшествие, Синеглазка, – сказала ей. – К нам приехали столичные гости. Среди них есть человек, который уверен, что драконы бываю только в сказках.

Следующие десять минут я подробно рассказала о встрече с Царевым, распоряжении Бессмертного и предположении, что мою территорию будут рассматривать первой.

Пока я говорила, случился еще один камнепад, в результате которого к моим ногам кубарем прикатился чуть помятый зеленый дракончик с трогательным бело-розовым пузиком. Я подняла дракончика с земли и продолжила говорить, покачивая малыша в своих руках, как в колыбели. Огонек довольно пыхтел, его братья сидели рядом и внимательно меня слушали.

– Как тебе это нравится? – спросила я у драконицы, когда рассказ подошел к концу.

«Никак не нравится. Чудно это все. И явно притянута за уши. Но я тебя поняла, Василиса. Завтра мы улетим в верхнее гнездо. Но ты должна понять: дольше недели оставаться там мы не сможем».

– Дольше и не надо, – улыбнулась я. – Спасибо, Синеглазка.

«Не за что. Скажи лучше, что ты будешь делать с саламандрами?»

– А что с ними делать? На прошлой неделе они залегли в спячку.

«Вовсе нет. Сегодня утром мы с детьми видели трех ящериц, которые грелись на солнышке. Представляешь, как будет смешно, если твой Иван Царевич увидит на камнях живые огни?»

Господи... Еще и саламандры!..

– Иван не Царевич, а Царев, – устало поправила я. – И он не мой, он свой собственный. Где, говоришь, вы видели ящериц?

Саламандры действительно не спали. Оставив драконов резвиться в долине, я поднялась на небольшой утес, и обнаружила их на первом же пригнетом октябрьским солнцем валуне. Ящериц было много, пятнадцать или семнадцать штук. Очевидно, хорошая погода, установившаяся после затяжных дождей, пробудила особей, не успевших впасть в анабиоз.

Что ж. С этими ребятами договориться точно не удастся, а значит, экскурсию для Царева надо проводить в каком-нибудь другом месте.

Над моей головой громко крикнула птица. Я подняла голову и увидела ястреба, который, нарезал в воздухе круги.

Помахала ему рукой. Ястреб спланировал вниз и, ударившись об камень, превратился в доброго молодца в берцах и коричневом спецовочном костюме.

– Привет, Слава, – улыбнулась я нашему штатному орнитологу. – Как дела?

– Так себе, – он смешно сморщил нос. – Вот, летаю, рассматриваю уголья, которые стану показывать господину москвичу. Ты уже решила, где он будет гулять?

– Я в процессе.

– Поторопись, ладно? Раньше четверга мы к горам, конечно, не придем, однако затягивать с чарами все-таки не стоит.

– Не раньше четверга? – удивилась я. – Мне казалось, Змеиный хребет Иван захочет посмотреть первым.

Соколов закатил глаза.

– Знаешь, Вася, его желания меня не слишком интересуют. Мы на своем собрании дружно упустили из внимания один немаловажный аспект. Каким образом мы с Царевым по заповеднику передвигаться-то станем? Территория у нас огромная, а тропинки узкие, пешеходные. Телепортом его ни к горам, ни к озерам не проведешь, а ногами ходить – до китайской пасхи не управисься.

– И как быть?

– А так. Я заповедник облетел, с ребятами посоветовался. Решили, что попросим техников в нескольких силовых узлах установить мини-порталы. Они в прошлом году такие штуки для оленей монтировали. Помнишь?

Конечно, помню. Тем летом оленям потребовалось сменить кормовую площадку, а ближайшая из них находилась примерно в пятнадцати километрах от предыдущей. Чтобы рогатые по пути к сочной листве и вкусным веточкам случайно не наелись дурман-травы или еще

каких-нибудь волшебных растений, для них установили мини-порталы – высокие арки, по виду напоминающие деревья с переплетёнными кронами. Воздух в арках был прозрачным, без характерных голубоватых огоньков, а потому животные проходили через них смело, не подозревая, что одним шагом преодолевают десятки километров.

– На монтаж арок потребуется не меньше суток, – продолжал Слава. – Поэтому завтра я Царева далеко не поведу. Погуляем рядом с поселком, к Глебу Ивановичу зайдём. Быть может, навестим бабу Веню. Кстати. В той части леса находится ещё одна твоя территория, с жар-птицами, кажется. Не забудь и её чарами укрыть. Нам наверняка придется проходить мимо нее.

– Послушай, Слава, – я подошла к Соколову ближе. – Тут такое дело. Сегодня рядом с поляной Огневушки я обнаружила след чьей-то обуви. Судя по всему, похититель золотых яиц снова вышел на охоту.

Брови орнитолога взлетели вверх.

– Да ты что? – изумился он. – Слепок сделала? Покажи!

Я взмахнула рукой, и перед нами зависла увеличенная проекция отпечатка каблук грубого мужского ботинка. Соколов рассматривал его почти минуту, а потом коротко хохотнул.

– Ну, ты, Васька, даешь! Это ж мой каблук!

– Твой?!

– Конечно!

Слава поднял левую ногу и продемонстрировал подошву своего берца.

– Точно, твой, – согласилась я. – Выходит, это ты сегодня в полдень ходил возле Огневушкиной поляны?

– Разумеется, я. Говорю же, тропы выбирал, по которым Царева водить стану. А ты – похититель.

Соколов укоризненно посмотрел на меня, а потом рассмеялся. Я пожала плечами и движением руки развеяла проекцию.

– Со всеми этими похищениями и проверками недолго параноиком стать, – буркнула я.

– На самом деле ты – молодец, – отсмеявшись, серьезно сказал Слава. – Бдительность – прежде всего. Не переживай, Василиса. Проводим московских гостей восвояси, и все будет нормально.

ГЛАВА 3

Утром в среду меня ждал сюрприз – на площадке перед рабочим телепортом я столкнулась с Макаром Сорокиным.

– Здравствуйте, Василиса Матвеевна, – заулыбался он, увидев меня. – А я вас дожидаясь.

Смерила его взглядом и растянула губы в дружелюбном оскале. Из-за шумихи, вызванной появлением Царева, я благополучно забыла, что проверяющих у нас целая толпа.

– Доброе утро, – кивнула ему. – Чем обязана?

– Вот, попросил у Владислава Игоревича позволения посмотреть ваши участки раньше прочих.

Ах да, он же хотел увидеть летающих драконят. Что ж, так даже лучше, одной заботой станет меньше.

– Вы один? Без Ядвиги Марковны?

– Да, мы решили разделиться. Она сейчас полистает документы, а потом пойдет к микологам. У меня же сегодня по плану огненная территория. Так что до обеда я полностью ваш.

Он был весел и игрив. Я такого настроения не разделяла и, как выяснилось, не зря.

По моей просьбе, сначала мы отправились к жар-птице. О том, что в заповеднике случился мор этих чудесных созданий, Сорокин знал, поэтому также изъявил желание посмотреть, в каких условиях содержится последняя здешняя особь.

И поляной, и охранным куполом Макар Евгеньевич остался доволен, однако заглянуть в гнездо ему никто не дал. Огневушка встретила гостя гневным клекотом, после чего послала мне четкую мысль с просьбой увести незнакомого мужчину прочь. Боевой настрой будущей матери господина Сорокина несколько смутил. Дабы не нервировать птицу, он поспешил удалиться с поляны и безропотно ждал у деревьев, пока я поила ее водой и наполняла кормушку зерном.

Честно говоря, я планировала задержаться у Огневушки хотя бы до полудня. Вчера она весь день просидела в гнезде, и теперь ей было бы неплохо размять крылья. Наличие же ревизора требовало отложить дела на потом. Поэтому я выслушала «отчет» жар-птицы о прошедшей ночи, торопливо проверила охранные заклинания, окинула взглядом траву на предмет чужих следов и, пообещав подопечной вернуться через несколько часов, повела Макара Егоровича к драконам.

Здесь тоже все прошло не столь гладко, как хотелось Сорокину. Синеглазка, как и обещала, увела детей в горное гнездо, и, чтобы к нему приблизиться, нам пришлось дважды перемещаться порталом, а остаток пути пройти пешком – выстроить координаты телепорта так, чтобы не свалиться по прибытии в пропасть, было почти невозможно.

Для физически слабого Сорокина такая прогулка оказалась сродни восхождению на Эверест. Он хромал, пытел, задыхался, хватался за сердце, однако упрямо шагал вперед, чем в очередной раз вызвал у меня уважение.

Драконы встретили нас прицельным огнем. Вообще, по правилам заповедника, нам полагалось залечь за камнями и наблюдать за ними издали, однако малыши заметили нас первыми. Ребята, конечно же, никому не желали зла. Судя по всему, своей внезапной атакой мальчишки хотели показать, что научились извергать пламя. Впрочем, это было даже не пламя, а куча крошечных искорок. Да и плевались они не в нас, а в росшие поблизости куцы кусты, однако такой горячий прием здорово напугал.

Увидев огненные капли, я на автомате укрыла себя и Макара магическим щитом. Сорокин же застыл, как статуя, и, по-детски приоткрыв рот, с восторгом смотрел на летящих к нам дракончиков. Те, в свою очередь, пошли на таран – разглядев под щитом меня, малыши кинулись обниматься.

К счастью, от их приступа нежности никто не пострадал – над горами раздался грозный рык, и дети, круто развернувшись прямо у купола, полетели обратно.

Сорокин глядел им в след с искренним обожанием.

– Какие красавцы! – восхищенно выдохнул он. – Василиса, вы такая счастливая! Как же это здорово – работать с такими потрясающими созданиями!

Ага. Сама себе завидую.

– Гнездо смотреть будете? – спросила я. – Только до него придется топать еще метров триста.

Огоньки, загоревшиеся в глазах проверяющего, тут же потухли.

– Боюсь, такой путь я не осилю, – криво улыбнулся Сорокин. – А ведь нам же еще предстоит спускаться вниз. Эх, совсем я от офисной работы раскис...

По горам мы бродили около двух часов. После драконов я повела Макара Евгеньевича смотреть проснувшихся саламандр, затем горных козлов, поющие камни и огненные цветы, которые, будто нарочно к его приходу, раскрыли свои алые бутоны. Рассматривая чудеса Змеиногорья, Сорокин благосклонно кивал, записывал что-то в блокнот, изредка задавал вопросы.

Мы расстались ровно в полдень. Пожелав мне приятного аппетита, господин проверяющий направился к избушке Глеба Ивановича.

Я же решила снова провести Огневушку. На жар-птицу можно было накинуть чары невидимости и отпустить полетать, а затем пообедать возле гнезда – в моем рюкзаке как раз лежали бутерброды с колбасой, пачка сладкого печенья и маленький термос с чаем.

Когда до зачарованной поляны оставалось не более пяти минут ходьбы, послышался странный шум: кто-то, топая и шурша листьями, шел по тропе мне на встречу. Поначалу мне показалось, что это вернулся Сорокин. Однако это был не он – из-за зарослей дикого орешника неожиданно вынырнул Иван Царев.

Я удивленно моргнула.

Царев шагал в полном одиночестве, с интересом разглядывая окружающие его деревья.

– Василиса Матвеевна, – улыбнулся он, увидев меня. – Добрый день. Рад вас видеть.

– Взаимно, – кивнула я. – Здравствуйте, Иван Андреевич. Почему вы один? Где ваш сопровождающий?

Царев пожал плечами.

– Где-то здесь. Вы будете смеяться, Василиса. Похоже, я заблудился.

– Как заблудились?!

– Как-то внезапно, – усмехнулся Иван. – Со мной был ваш коллега – Вячеслав Соколов. Мы все утро ходили по лесу: побывали в дубраве, заглянули в восхитительный ельник. Собрались идти на обед, а Вячеслав вдруг исчез. Это моя вина, Василиса. Видимо, в какой-то момент я отвлекся, а потом свернул не в ту сторону. Забавно, да? Хотел Соколову позвонить, однако мой мобильный ожидаемо находится вне зоны действия сети. Я немного подождал Славу на тропинке, а затем решил идти в обратном направлении. Думал встретить его, а встретил вас.

Обалдеть. Просто обалдеть.

– Эта тропинка заведет вас дальше в лес, – сказала я. – В самую чащу. Видимо, вы свернули не в ту сторону не один раз, а как, минимум, пять. До поселка теперь придется идти не менее полутора часов.

– Ого, – удивился Царев и еще раз огляделся по сторонам. – Похоже, вы правы. Но как же так? Мы со Славой ходили вдоль опушки! Знаете, обычно я хорошо ориентируюсь на местности, даже на той, где побывал впервые. Я несколько раз фотографировал тропу, запомнил почти все встречавшиеся деревья... Да и времени прошло не так уж много. Мистика какая-то.

Точно, мистика. Встречу Соколова – убью. Совсем Славка ополоумел, вызвался экскурсии водить и в первый же день потерял экскурсанта. Да еще на одной из заповедных троп.

Что же с Царевым теперь делать? Бросить его здесь нельзя, порталом в поселок отвести – тоже, а терять полтора часа на прогулку с этим красавцем и вовсе исключено. Надо бы связаться с Соколовым, но это, к сожалению, тоже не вариант – переговорное зеркало я сегодня благополучно оставила дома.

– У вас, наверное, много дел, – виновато улыбнулся Иван. – Покажите, в какой стороне находится поселок, и я дойду до него сам. Вячеслав говорил, что по заповеднику можно передвигаться только пешком, а спецтранспорт возит сотрудников лишь по периметру. Будет обидно, если из-за меня вы потеряете драгоценное время.

Ответить я не успела. Стоило Цареву замолчать, как на тропинку выскочил лесной козел. У него были маленькие рожки с тремя отростками, острые уши, густая серая шерсть и большие голубые глаза. Их осмысленный, почти человеческий взгляд был мне очень знаком.

Увидев нас, козел остановился, как вкопанный, вытаращил свои осмысленные глаза, а потом одним быстрым истеричным прыжком скрылся в кустах.

– Вы видели? – восхищенно пробормотал Иван. – Это же была косуля! Самец, если не ошибаюсь. Какой смелый! Вышел на человеческую тропу и шагал по ней, как так и надо.

Я еле сдержала смехок.

В ту же секунду кусты зашевелились снова, и на дорожку шагнул худошавый светловолосый парень в кроссовках и сером комбинезоне. В его больших голубых глазах медленно таяла тревога.

– Привет, – сказал парень, недоуменно глядя на нас с Царевым. – Что у вас тут происходит?

– Свидание, – фыркнула я. – Привет, Ваня. Иван Андреевич, познакомьтесь – ваш тезка, Иван Игнатьевич Козлов, лучший специалист заповедника по парнокопытным млекопитающим. Потомственный зоолог, между прочим. Позавчера, кстати, вы познакомились с его старшей сестрой Аленой. Ваня, это Иван Андреевич Царев, наш столичный гость.

– Я это уже понял, – кивнул парень, протягивая Цареву руку. – Приятно познакомиться.

– Взаимно, – тот пожал протянутую ладонь и вежливо кивнул.

– А почему вы вдвоем? – спросил Козлов. – Иван Андреевич, разве вас не Слава Соколов должен сопровождать?

Следующие пять минут Царев пересказывал Козлову подробности своей прогулки, а тот задумчиво чесал затылок.

– Интересно получилось, – хмыкнул Ваня, когда рассказ подошел к концу. – Вам, Иван Андреевич, одному по лесу гулять не следует. Славка вас, наверное, ищет, беспокоится. Надо ему сообщить, что с вами все хорошо.

– Надо, – согласилась я. – Но как?

– Что значит как? – Козлов многозначительно посмотрел мне в глаза. – По «рации».

– Нет у меня «рации», – ответила, возвращая ему такой же взор. – Дома оставила. А у тебя есть?

– Нету, – покачал головой Ваня. – Я ее с собой не ношу. Мне, в случае чего, любой водоем – «рация».

Это точно. Как, однако, удобно, иметь в родных сестрах мага воды! Тут уж действительно вместо переговорного зеркала любая жидкость подойдет, хоть озеро, хоть лужа, хоть капля воды из фляжки.

– Я знаю, что делать, – сказал Козлов. – Вам, ребята, к микологам надо. Видите сосны? За ними находится дом Венеры Никаноровны. Уж у нее-то и «рация» найдется, и вообще все что угодно.

Мне захотелось хлопнуть себя по лбу. Это же надо, стоять в двух шагах от дома бабы Вени и даже об этом не вспомнить!

Переживу проверки, дождусь, когда вылупятся и подрастут жар-птицы, возьму отпуск и уеду к морю. Буду лежать на пляже, слушать шорох волн и восстанавливать пошатнувшуюся нервную систему.

– Спасибо, Ваня, – улыбнулась я. – Мы отправимся туда прямо сейчас.

Попрощавшись с Козловым, мы свернули на соседнюю тропинку. Царев шагал впереди – чтобы я не потеряла его из виду, на случай, если он снова захочет выбрать неправильный поворот. Иван, между тем, дисциплинированно шел, куда ему указали, и с воодушевлением рассказывал, как ему здесь нравится.

– Вы ведь живете в поселке, Василиса? – вдруг спросил он у меня.

– Да, как и все сотрудники заповедника.

– Одна или с семьей?

– Одна. Мои родители находятся далеко.

– А муж? Дети?

Я покачала головой.

– Я не замужем, и детей у меня нет.

Он понятливо кивнул, однако развивать тему и спрашивать по примеру моих родственников и знакомых, отчего такая замечательная девушка не украсит свой безымянный палец обру-

чальным кольцом, не стал. Я мысленно его за это поблагодарила, ибо в тысячный раз повторять, что нынешняя работа не оставляет ни единого шанса обзавестись собственной семьей, совершенно не хотелось.

Впрочем, здесь меня можно было обвинить в лукавстве. При желании, я могла бы выбрать себе мужа из числа коллег. Неженатых мужчин в поселке хватало, однако ни один из них у меня такого желания не вызывал. К тому же, у каждого из этих неженатиков имелся тот или иной изъян – кто-то годился мне в отцы или в дедушки, кто-то, как Слава и Ваня, казался слишком легкомысленным, кто-то откровенно раздражал.

Между тем, свободная жизнь меня нисколько не тяготит. Чай, не старуха, в августе всего-то двадцать восьмой день рождения отметила.

– Я тоже не женат, – сказал Царев, глядя куда-то вдаль.

– Работа не позволяет устроить личную жизнь?

– Отчего же? Позволяет. Иногда даже настаивает, – Иван усмехнулся. – Я в разводе, Василиса. Давно, больше семи лет.

– А дети?

– Детей нет. Мой брак был недолог и рухнул, прежде чем в нем успели появиться наследники.

Он говорил, шутливо улыбаясь, однако в его словах сквозила грусть. Мне отчего-то подумалось, что Царев, наверное, стал бы хорошим отцом.

Что ж, у него, как и у меня, все впереди. В самом деле, какие наши годы?

Я хотела перевести разговор в другое, более позитивное русло, как Иван вдруг остановился. От неожиданности я едва не врезалась в его спину.

– Вот это да! – выдохнул мужчина.

Я выглянула из-за его плеча и тихонько хихикнула. Мы находились на краю широкой поляны, обрамленной высокими старыми соснами. Посреди этой поляны стояла бревенчатая избушка с резным деревянным крыльцом. Фундамента у избы не было, ибо располагалась она на двух широких каменных столбах, похожих на чьи-то толстые ноги.

Помнится, баба Веня придумала установить свое жилище на эти столбы, чтобы волшебные грибы могли свободнее передвигаться по поляне. В один особенно урожайный год выяснилось, что часть их мицелия проходит аккуратно под ее домом, а потому оказывается незадействованной – прорасти сквозь пол маленьким грибам было непросто. Пришлось срочно искать выход из положения. Результат получился впечатляющим.

– Вот так изба! – присвистнул Иван. – А что, Василиса, не живет ли там баба Яга?

– Может, и живет, – улыбнулась я. – Давайте зайдем и проверим.

– А заклинание? – напомнил Царев. – Без заклинания в такие дома входить нельзя, об этом во всех сказках написано. Как там говорится? Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне, добру молодцу, передом. Мне не век вековать, одну ночь ночевать.

По поляне прошелся легкий вздох. Будто изба бабы Вени и правда собиралась сделать оборот вокруг своей оси. Тем не менее, дом остался на месте, – он и так стоял к соснам задом, а к нам передом. Однако же, заклинание все равно сработало: входная дверь тихонько заскрипела и распахнулась.

– Сказка – ложь, да в ней намек, – подмигнул мне Иван Андреевич. – Прошу вас, Василиса Матвеевна.

Я поднялась в дом по узкой деревянной лесенке, прикрепленной к прямоугольной площадке крыльца. Царев последовал за мной.

В избе не было ни души. Венера Никаноровна наверняка гуляла по лесу в компании Ядвиги Барской, поэтому в горнице нас встретили тишина и горьковатый запах сухих трав, пучками развешанных по стенам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.